

Еврейские курсистки в Санкт-Петербурге накануне падения самодержавия

Е. С. Норкина

Для цитирования: Норкина Е. С. Еврейские курсистки в Санкт-Петербурге накануне падения самодержавия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. Вып. 1. С. 96–120. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.106>

Статья посвящена исследованию социально-культурного облика еврейских курсисток в Санкт-Петербурге в начале XX в. Поставленная проблема изучается в широком контексте с учетом процессов, происходивших не только в стране в целом, но и в русско-еврейском обществе. В фокусе внимания автора находится путь еврейских девушек от осознания необходимости получения высшего образования до самого процесса обучения и жизни еврейских курсисток в столице Российской империи. Автор пытается проследить возможное влияние культурного фактора, профессионального, финансового и социального положения родителей потенциальных курсисток на принятие ими решения получить высшее образование. Учитывается мировоззрение абитуриенток ко времени окончания гимназий, уровень их образования и успеваемости, вовлеченность в русскую культуру и интерес к общественно-политическим идеям. Важным является наличие социальных связей на момент приезда в столицу, выбор места жительства в городе и стремление или отказ поддержания связей с семьей. Обращение к началу XX столетия в исследовании обусловлено тем, что это время является переломной эпохой для всего русско-еврейского общества. Это связано с большими изменениями во внутренней жизни евреев и их отношении к русскому обществу, экономическими процессами, отголосками Гаскалы, а также с появлением особой прослойки общества — русско-еврейской интеллигенции. Выбор для исследования Санкт-Петербурга объясняется его особым значением в жизни евреев России. Основными источниками исследования послужили прошения еврейских абитуриенток и курсисток, адресованные руководителям высших учебных заведений. Автор приходит к выводу о том, что рост количества курсисток, желавших продолжить образование, свидетельствует и о коренном сдвиге в женском вопросе России в целом, и об окончательной победе Гаскалы в еврейском обществе.

Ключевые слова: еврейские курсистки, женское образование, Российская империя, идентичность, квота.

Екатерина Сергеевна Норкина — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; <https://orcid.org/0000-0001-9914-102X>, st901282@spbu.ru

Ekaterina S. Norkina — PhD (History), Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-9914-102X>, st901282@spbu.ru

Исследование выполнено при поддержке международного гранта центра «Сэфер» на исследования по истории и культуре российского еврейства в различные исторические периоды (2020 г.).

The study was supported by an international grant from the Sefer Center for research on the history and culture of Russian Jewry in various historical periods (2020).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

For citation: Norkina E. S. Jewish Female Students in Saint Petersburg on the Eve of the Fall of the Autocracy. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2025, vol. 70, issue 1, pp. 96–120. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.106> (In Russian)

The article is devoted to the research of the socio-cultural image of Jewish female students in St. Petersburg at the beginning of the 20th century. The problem is studied in a broad context, taking into account the processes in Russia as a whole and in the Russian-Jewish society. The author focuses on the path of Jewish girls from the realization of the necessity for higher education to the very process of learning and life of Jewish female students. He tries to find out the possible influence of the cultural factor, professional, financial and social situation of the parents of potential students on their decision to get a higher education in St. Petersburg. The worldview of female applicants by the time they graduated from high school, their level of education and performance, involvement in Russian culture and passion for socio-political ideas are taken into account. The choice of the period for research is caused by the fact that this time is a turning point for the Russian-Jewish society. These are influence of Haskalah, economic processes, emergence of the Russian-Jewish intelligentsia. St. Petersburg as the optics of research is caused by its special significance in the life of the Russian Jews. The main sources are the petitions of Jewish female students addressed to the heads of higher educational institutions. The author comes to the conclusion that the increase in the number of female students indicates both a fundamental shift in the women's issue in Russia and the final victory of the Haskalah in Jewish society.

Keywords: Jewish female students, women's education, Russian Empire, identity, percentage rate.

Общим в биографиях историков С. Ф. Айнберг-Загряцковой и Э. А. Корольчук, поэтесс и переводчиц С. Я. Парнок (Парнох) и С. С. Дубновой-Эрлих, педагога А. Я. Бруштейн, искусствоведа М. Л. Каган-Шабшай и других известных деятелей науки, культуры, общественной жизни России и зарубежья является период студенчества в высшем учебном заведении Санкт-Петербурга начала XX в. Их так же объединяло еврейское происхождение: семьи еврейских курсисток проживали как в черте оседлости, так и за ее пределами. Они происходили из разных социальных слоев — от ремесленников до интеллигенции. Часть выпускниц высших учебных заведений столицы остались причастными к еврейской жизни, активно участвуя в еврейской благотворительности и национальной жизни. Многие из бывших курсисток эмигрировали после революционных событий 1917 г. из России, но продолжали следовать своему профессиональному призванию, при этом объединяли вокруг себя последователей и деятелей русской культуры. Оставшиеся в стране также внесли заметный вклад в культуру и науку. Очевидно, время студенчества стало ключевым не только для их дальнейшего профессионального роста, но и для изменений в самосознании и идентичности.

Жизни еврейских курсисток в Российской империи не посвящалось до сих пор ни одного специального исследования. Отдельные аспекты затрагивались в работах современных российских историков Я. Рудневой (о вольнослушательницах Императорского Казанского университета)¹ и О. Б. Вахромеевой (о бестужевках еврей-

¹ Руднева Я. «Я, как лицо иудейского вероисповедания, в университет не попала» (О еврейских девушках — вольнослушательницах Казанского университета начала XX в.) // Эхо веков. 2011. № 1–2. С. 190–199.

ского происхождения)². Правовую сторону проблемы и статистический ее аспект изучал в своих трудах историк А. Е. Иванов³. В работе о еврейском студенчестве Российской империи начала XX в. Иванов уделяет внимание положению еврейских курсисток, их национальному и религиозному сознанию. Автор сфокусировался на материалах студенческих самопереписей Москвы, Одессы и Киева. Санкт-Петербург остался практически вне поля зрения, а ситуация в столице отражена преимущественно через анализ переписи курсисток — бестужевки. Выполненная в 1909 г., эта перепись может быть использована критически, поскольку не дает полного представления о курсистках столицы: из 5100 обучавшихся анкеты заполнили только 1698 человек⁴. Материалы московских студенческих самопереписей послужили основой и для работы современных российских ученых А. О. Боронова и С. С. Бразевича⁵. Таким образом, заявленные в качестве цели «социальный портрет», «социально-культурный облик» или «общественно-политический облик» студенчества получились недостаточно полными в связи с тем, что базировались на одном виде источников.

Опираясь на более полный круг источников, мы попытаемся представить социально-культурный облик еврейских курсисток в широком историческом контексте с учетом процессов, происходивших не только в стране в целом, но и в русско-еврейском обществе. В фокусе исследования будет находиться путь еврейских девушек от осознания необходимости получения высшего образования до самого процесса обучения и жизни еврейских курсисток в столице Российской империи. Демонстрируя разнообразие судеб еврейских курсисток Санкт-Петербурга начала XX в., мы попытаемся выявить возможные закономерности в них.

Источниками исследования послужил обширный пласт опубликованных и неопубликованных материалов. Прежде всего, это личные дела еврейских курсисток, сохранившиеся в фондах учебных заведений в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Личное дело дает информацию о родителях, уровне образования девушки и успеваемости в гимназии. Важным дополнением являются различные делопроизводственные материалы личного дела, дополняющие представления о жизни курсисток во время обучения в столице. В прошениях об отсрочке очередного платежа за образование обнаруживаются финансовые трудности, факт материальной помощи родителями. В справках из организаций имеется информация об опыте работы курсистки до поступления в высшее учебное заведение и в процессе обучения в столице. Свидетельства о вступлении в брак, указывая данные о супруге, помогают понять тенденции в процессе ассимиляции. Отдельные записки на имя руководства указывают на причины внезапного прерывания учебы или отсрочки по сдаче экзаменов. Справки от полиции

² Вахромеева О. Бестужевки-еврейки: социокультурный облик // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура. СПб., 2014. С. 306–310.

³ Иванов А. Е.: 1) Студенчество России конца XIX — начала XX в.: социально-историческая судьба. М., 1999; 2) Высшая школа России конца XIX — начала XX в. М., 1991; 3) Еврейское студенчество в высшей школе России начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007.

⁴ Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов: По данным переписи (анкеты), выполн. Стат. семинарием в нояб. 1909 г. С. 5.

⁵ Боронов А. О., Бразевич С. С. Социальный портрет московского еврейского студенчества начала XX в.: историко-социологический анализ // Социология образования. 2016. № 9. С. 40–57.

показывают причастность к политической жизни и революционному движению. Выявление личных дел сестер, обучавшихся в одном и том же или в разных высших учебных заведениях столицы является ценной находкой для того, чтобы представить жизни отдельной еврейской семьи и лучше понять возможные мотивы поступления девушек на курсы. Значимой частью личных дел являются прошения девушек-абитуриенток или их родственников о зачислении в высшее учебное заведение. Несмотря на то что они составлялись по определенному шаблону, все же можно выделить и оригинальные составляющие. Это информация о биографии, мотивации к учебе, происхождении и социальной принадлежности. Сопоставление различных прошений приводит также к обнаружению возможных, на первый взгляд неясных, подробностей поступления и переезда в столицу. Например, выявление идентичных адресов аренды квартир курсисток из одних и тех же городов, использование родственных связей для обустройства в городе. Адрес, указанный в прошении, позволяет идентифицировать местонахождение абитуриентки в городе. Сопоставление прошений и данных аттестатов успеваемости по определенным дисциплинам позволяет понять, насколько обоснован был выбор определенной профессии или факультета курсисткой. Прогонения отдельных курсисток сохранились также в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА).

Ценным дополнением к информации в прошениях являются воспоминания. В данном случае это воспоминания тех, кто какое-то время проходил обучение в высшем учебном заведении: С. С. Дубновой, С. Ю. Прегель, А. Я. Бруштейн. Бесценным дополнением являются воспоминания историка С. М. Дубнова, включавшие его рассуждения о дочери и об участии в еврейском студенческом кружке, воспоминания юриста Г. Б. Слиозберга, писавшем о еврейской учащейся молодежи.

Многие русско-еврейские периодические издания начала XX в. писали о проблемах еврейской учащейся молодежи, поэтому практически в каждом номере таких изданий публиковалась информация по этой теме: о дополнительных наборах евреев в некоторые высшие учебные заведения страны, вопросах самосознания еврейских студентов, жизни еврейских студенческих кружков и др. В этом ключе мы изучили публикации нескольких русско-еврейских периодических изданий: «Рассвет» (1907–1915 гг.), «Еврейский студент» (1915–1916 гг.), «Еврейские вести» (1916–1917 гг.), «Еврейская неделя» (1915–1918 гг.). Несмотря на то что к исследованию привлечен довольно широкий круг источников, выявляются некоторые проблемы. Абсолютно полной картины по представленной проблеме достичь не удастся, поскольку просмотрены далеко не все личные дела курсисток столицы. Необходимо учитывать, что сведения о жизни курсистки тем полнее, чем более известной она была в обществе. Это связано с большим наличием информации в воспоминаниях и иных публикациях.

Изучение идентичности еврейских женщин в целом и в Российской империи в частности в контексте процессов модернизации еврейского общества второй половины XIX — начала XX столетия становится все более актуальным в исторической науке. Наиболее перспективной в этом смысле представляется работа современного историка Л. Хирш «Из штетла в лекционный зал»⁶. Следуя за подходом, предложенным Хирш, проследим возможное влияние культурного фактора, про-

⁶ Hirsch L. From the Shtetl to the Lecture Hall: Jewish Women and Cultural Exchange. Studies in Judaism. Lanham, 2013.

фессионального, финансового и социального положения родителей потенциальных курсисток на принятие ими решения получить высшее образование и отправиться на обучение в Санкт-Петербург. Важно учитывать мировоззрение абитуриенток ко времени окончания гимназий, уровень их образования и успеваемости, вовлеченность в русскую культуру и увлеченность общественно-политическими идеями. Не меньшее значение имеет географический фактор, особенно в отношении принадлежности абитуриенток к черте оседлости, где ассимиляторские тенденции могли запаздывать, или к внутренним губерниям, где все увереннее наблюдался отход от традиций. Нас будут интересовать социальные связи на момент приезда в столицу, выбор места жительства в городе и стремление или отказ поддержания связей с семьей, а также вовлеченность в русскую или еврейскую общественно-политическую деятельность. Нужно отметить, что в отличие от своих ровесников мужского пола еврейские девушки к получению высшего образования шли более тернистым путем с точки зрения как правового положения евреев империи, так и их внутренней жизни. Дискриминация не только по половому, но и по конфессиональному признаку в России вынуждала еврейскую женщину проявлять более высокий уровень социальной активности. Еврейки, в отличие от своих сверстниц нееврейского происхождения, более мотивированно выбирали профиль обучения и для достижения поставленной цели чаще использовали стратегию «выживания любой ценой»⁷. Более того, следует учитывать и общее состояние женского вопроса в Российской империи начала XX в.

Рассматриваемый период является переломной эпохой для всего русско-еврейского общества. Это связано не только с тем, что значительную его часть составляли дети поколения, пережившего антиеврейские погромы 1881 г., но и с большими изменениями во внутренней жизни евреев и их отношении к русскому обществу. Важными факторами явились влияние экономических трансформаций и появление особой прослойки общества — русско-еврейской интеллигенции. Огромное воздействие на еврейское образование в Российской империи оказала Гаскала — движение еврейского просвещения. В широком смысле она сосредотачивала в себе идеи гуманизма, веры в науку, важности светского знания и овладения языками других народов. Несмотря на то что женское образование не было для этого движения основным направлением, распространение женского еврейского образования во второй половине XIX в. стало результатом в том числе и влияния идей Гаскалы⁸. И хотя Гаскала в период после 1870-х гг. уже не является главным фактором модернизации еврейского общества, выбор еврейскими курсистками пути продолжения образования в высшем учебном заведении и отказ от традиционной жизни в местечке отчасти является эхом этого движения. К началу 1880-х гг. еврейские женские училища стали привычным явлением и служили площадкой для модернизации еврейского общества⁹. Еврейские девушки все активнее стали получать светское образование в русских средних школах, а для их родителей это уже не было катастрофой, как, например, в середине XIX в. По мнению современно-го британского историка Н. Шеферд, влияние новых идей на женщин было более

⁷ Руднева Я. «Я, как лицо иудейского вероисповедания...» С. 192.

⁸ Адлер Э. В их руках. Девичье еврейское образование в Российской империи. Бостон; СПб., 2022. С. 104.

⁹ Там же.

значимым, чем на мужскую часть населения. Желание радикальных перемен среди еврейских женщин усиливалось с появлением хотя бы единственного шанса уйти от традиционного уклада жизни, в котором девушки были обречены заниматься лишь домашними делами¹⁰.

Столица Российской империи привлекала еврейское население обширностью торговых рынков, динамикой городской жизни, потенциальными профессиональными и коммерческими возможностями. Она была заманчива как центр культурной жизни. Санкт-Петербург в качестве оптики исследования важен потенциальной двойственностью его влияния на жизнь курсисток. С одной стороны, в столице находилась крупная еврейская община за чертой оседлости, и это позволяло курсисткам при желании поддерживать связи с местным еврейским обществом. С другой стороны, Санкт-Петербург, как и многие другие крупные города, представлял собой хорошую среду для быстрой ассимиляции курсисток. В отличие от иных больших городов империи, здесь были сконцентрированы наиболее влиятельные представители русско-еврейского общества.

Возможности получения образования были не однозначны. В столице действовала более жесткая квота на прием евреев в высшие учебные заведения (3% в отличие от 5% в провинции), поэтому сюда направлялась наиболее активная и смелая, уверенная в своих силах или имеющая социальные или родственные связи часть еврейской молодежи. В то же время абитуриенты находили здесь более широкий выбор высших учебных заведений, нежели в других крупных городах, и появление более «вольных» институтов, типа Психоневрологического. Следует также принимать во внимание то, что Петербург был центром революционных событий империи. Это означало, что девушки, увлеченные идеями переустройства общества, могли рассматривать столицу именно в этом ключе.

Доступ к высшему образованию у еврейских девушек к началу XX в. был тесно связан с состоянием женского вопроса в стране. Российская женщина могла получить высшее образование в неправительственных общественно-частных учебных заведениях: на высших женских курсах с правами государственных и без них, дававших педагогическую специализацию, в коммерческих институтах, на сельскохозяйственных курсах. В столице это были заведения: Высшие женские (Бестужевские) курсы (ВЖК), Психоневрологический институт (ПНИ), Стебутовские высшие женские курсы, Юридические высшие женские курсы Е. И. Песковской, Высшие женские историко-литературные курсы (Раевские) и др.¹¹ Все эти заведения устанавливали плату за обучение приблизительно 100–150 руб. в год и принимали еврейских абитуриенток. Помимо указанных учебных заведений мы также видим еврейских курсисток среди обучающихся в следующих учебных заведениях столицы: Женский педагогический институт, Высшие женские политехнические курсы, Петербургский женский медицинский институт, Высшие женские естественно-научные курсы М. А. Лохвицкой-Скалон, Консерватория Императорского Русского музыкального общества, Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования (Лесгафтовские). Кроме этого, еврейские девушки могли стать вольнослушательницами Петербургского Императорского университета и Высшего художественного училища живописи, скульптуры и архитектуры Академии худо-

¹⁰ Shepherd N. A Price Below Rubies: Jewish Women as Rebels and Radicals. Cambridge, 1994. P. 67.

¹¹ Иванов А. Е. Высшая школа. С. 293.

жеств. Появившееся в 1905–1907 гг. право поступления в статусе вольнослушательниц в университеты и некоторые народнохозяйственные институты было на время аннулировано властями в 1908 г.

С одной стороны, формально все эти заведения были открыты для еврейских абитуриентов, однако возможности омрачались квотами на прием или периодическими отменами приема иудеев в определенные годы. Так, например, в 1913 г. на Бестужевских курсах было объявлено об отмене приема еврейских абитуриенток на предстоящий учебный год¹². В том же году Петербургский женский медицинский институт сообщал о крайнем превышении квоты, ввиду чего абитуриентки были предупреждены о приеме только в весьма исключительных случаях¹³.

Для поступления в высшее учебное заведение девушкам необходимо было представить комплект документов, включающий прошение на имя директора, метрическую выписку, аттестат об окончании седьмого класса среднего учебного заведения и свидетельство о политической благонадежности. Свидетельство об окончании восьмого класса гимназии давало некоторые преимущества при поступлении, однако требовало дополнительных усилий абитуриенток. В некоторых институтах требовалось свидетельство о знании латыни. Зачисление в курсистки происходило по конкурсу аттестатов. Нередко конкурс аттестатов был довольно жестким: необходимо было иметь в оценках только «отлично», конкурентками были медалистки. Так, в 1910 г. на Бестужевских курсах конкурс аттестатов составил «круглое пять»¹⁴. Конечно, конкурс оценок зависел от учебного заведения: чем более престижным оно было, тем выше были требования. Кроме того, это зависело и от отношения к евреям руководства института. Например, если на Бестужевских курсах конкурс аттестатов мог происходить между отличницей и медалисткой, то среди абитуриенток Высших юридических женских курсов Е. И. Песковской и Высших женских естественно-научных курсов М. А. Лохвицкой-Скалон были обладательницы аттестатов с оценками «удовлетворительно». В престижный Психоневрологический институт зачислялись с оценками «удовлетворительно» в аттестатах, что было обусловлено стремлением ректора В. М. Бехтерева принимать евреев вне процентной нормы. На момент подачи документов многие приезжие абитуриентки находились уже в столице, вероятно, арендуя жилье и ожидая ответа от высшего учебного заведения. Многие из них не имели права находиться за чертой оседлости и, по правилам, обязаны были сообщать о своем пребывании в полицию с указанием места жительства.

В отличие от русской девушки, которая могла быть уверена в своем успехе при поиске педагогической вакансии и даже остаться преподавать на тех же курсах, еврейские курсистки понимали заранее, что диплом не гарантировал им должность педагога, а о месте преподавателя на курсах им можно было и не мечтать. Самой главной проблемой еврейских выпускниц было то, что далеко не всегда диплом об окончании этих учебных заведений приравнивался к диплому о высшем образовании, и, следовательно, у них не было законных прав оставаться в столице после завершения образования, если они происходили из черты оседлости. Так, долгое время диплом об окончании ВЖК не давал права еврейским девушкам оставаться

¹² Рассвет. 1913. № 18. 3 мая.

¹³ Там же.

¹⁴ Рассвет. 1910. № 37. 12 сентября.

в столице, так как ВЖК не считались высшим учебным заведением. Только в 1911 г. ВЖК были приравнены к высшим учебным заведениям, что давало выпускницам право остаться в столице. Хотя Бестужевские курсы задавали тон остальным женским учебным заведениям столицы, направлявшиеся на обучение именно сюда понимали, что их статус после выпуска фактически приравнивался к статусу выпускниц с аттестатом о среднем образовании. Более того, при устройстве на работу представители местной администрации могли отказывать бывшим курсисткам, ссылаясь на их потенциальную политическую неблагонадежность¹⁵.

К концу XIX в. все больше девочек поступали в гимназии, где получали современное светское образование. Число учениц в гимназиях было заметным. Некоторые общеобразовательные нееврейские школы посещало больше еврейских девочек, чем мальчиков¹⁶. Увеличение возраста вступления в брак привело к появлению целой категории девочек-подростков из обеспеченных семей, которым необходимо было чем-либо заниматься до замужества. Кроме того, изучение девушками светских наук открывало возможности для материального обеспечения семьи, в то время как муж мог полностью посвятить себя изучению Талмуда¹⁷. Такой всплеск получения девочками среднего образования, расширение их кругозора в дальнейшем повлияли на новое самоопределение еврейских женщин и стимулировали их активность.

География приезжих абитуриенток была довольно обширной: черта оседлости, включая и Царство Польское, и Прибалтийский край. В целом при общем преобладании приезжих из черты оседлости над абитуриентками из внутренних губерний, наибольшую долю составляли представительницы белорусских губерний. В списке гимназий абитуриенток из черты оседлости мы видим виленские, двинские, новгород-северскую, витебские, новозыбковскую, гродненские, мелитопольскую и др. Среди абитуриенток из внутренних губерний были окончившие московские, саратовские, царицынские, воронежские, курские гимназии. Петербурженки среди курсисток не выделялись какими-то особенностями или преимуществами. Привилегии определялись прежде всего социальным происхождением, финансовым благополучием и наличием аттестата с высокими оценками, откуда бы ни приехали абитуриентки. Главным отличием приезжих курсисток от коренных петербурженок была постоянная необходимость заботиться о бюрократических нюансах права проживания в столице в случае, если они не происходили из семей, имевших право выхода за черту оседлости.

Подавляющее большинство еврейских девушек в статусе абитуриенток на момент участия в конкурсе аттестатов в высшие учебные заведения были выпускницами женских гимназий, имея аттестат за семь классов. Многие дополнительно сдавали экзамен за восьмой класс в мужской гимназии на знание латинского языка, как это требовалось в некоторых учебных заведениях. Некоторые поступали в гимназию не в первый класс, а в третий или четвертый, вероятно, до этого проходя

¹⁵ Вахромеева О. Б. Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878–1918 гг.). СПб., 2008. С. 9.

¹⁶ Штампфер Ш. Гендерная дифференциация и женское еврейское образование в Восточной Европе XIX века // Штампфер Ш. Семья, школа и раввины у евреев Восточной Европы. М., Иерусалим, 2014. С. 147–181; Адлер Э. В их руках. С. 251.

¹⁷ Архипецкая А. Еврейское женское образование в Российской империи в конце XIX — начале XX века // Проблемы еврейской истории: в 3 ч. Ч. 1. М., 2008. С. 333–346.

домашнее обучение. В основном это были дети финансово благополучных родителей. Незначительную долю составляли выпускницы частных женских гимназий. Возраст поступавших на курсы еврейских девушек зависел скорее от уровня материального благосостояния. Так, абитуриенткам из многодетных и бедных семей приходилось еще несколько лет после окончания гимназии подрабатывать и копить средства на оплату жилья и хотя бы первого года обучения в высшем учебном заведении. Курсистка Раевских курсов И. Д. Иоселева вынуждена была после окончания гимназии работать еще два года в Минске, давая частные уроки. Х. И. Брин из Мелитополя совмещала работу и учебу в гимназии, чтобы накопить средства на поездку в столицу¹⁸. Похожая ситуация была и у курсистки из Белостока С. Л. Маркус. Курсистка Бестужевских курсов Ш. Х. Каминская в прошении подчеркивала, что ей пришлось копить средства несколько лет для оплаты обучения, работая домашней учительницей, поэтому она поступила на курсы не в год окончания гимназии (1913 г.), а в 1916 г.¹⁹

Ситуация для еврейских абитуриенток осложнялась и непредсказуемостью поведения как властей, так и руководства университета в отношении применения квот. Так, осенью 1906 г. Высшим женским курсам Венгеровой от МВД было внезапно приказано применить ограничения тогда, когда уже были составлены списки поступивших²⁰. Кроме того, путаница в законодательстве вынуждала прерывать учебу: в частности, спорным был вопрос о праве проживания курсистки, если она училась в частном учебном заведении. Количество девушек, обучавшихся в разных высших учебных заведениях, сильно зависело от применения квот руководством. Ярким примером является статистика на ВЖК. Так, в 1906–1907 гг., когда ограничения в отношении поступления на Бестужевские курсы не применялось, еврейки составили 19%. В последующие годы с применением процентных норм для лиц иудейского исповедания они составляли в 1908 г. — 7 %, а в 1909 г. — 4 %²¹.

Учебное заведение определяло и контингент курсисток. Конечно, наиболее целеустремленные, волевые и имевшие высокую успеваемость абитуриентки старались поступить на давно уже ставшие популярными ВЖК. В определенный момент в этом смысле конкурировать стал и ПНИ, открывшийся в 1907 г. Психоневрологический институт был самым либеральным вузом империи, и, кроме того, его директор профессор В. М. Бехтерев не соблюдал квоты по приему евреев. В результате этот институт стал прекрасным шансом для еврейской молодежи попасть в столицу. И если на ВЖК или в Петербургский женский медицинский институт можно было поступить, имея высокие баллы в аттестате и желательную медаль, то это было необязательным условием для ПНИ. Такой же либерализм в конкурсе аттестатов наблюдается на Юридических высших женских курсах Песковой: здесь мы видим абитуриенток с «троечными» аттестатами. Примечательно, что среди абитуриенток преобладали еврейские девушки из внутренних губерний Российской

¹⁸ О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге для получения образования на женских курсах Раева // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 88. Л. 38, 95, 156.

¹⁹ Каменская Шифра Хаимовна // ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 648. Л. 5.

²⁰ О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге для получения образования на женских курсах Венгеровой // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 89. Л. 36, 107.

²¹ Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. С. 5.

империи²². Таким образом, и слабые по успеваемости выпускницы стремились использовать шанс для продолжения обучения в столице.

Известный русско-еврейский правовед начала XX столетия Г. Б. Слиозберг вспоминал, что решение поехать в столицу на курсы «являлось плодом героических усилий со стороны девушек, которых манила не перспектива прав, связанных с дипломом, а горячее желание быть полезной работницей»²³. В целом это было характерно не только для еврейских абитуриенток. Выпускница Бестужевских курсов Л. К. Щитинская-Цветова отмечала, что большинство курсисток были воодушевлены стремлением помочь стране и ее гражданам, быть полезными²⁴. Нарратив «пользы государству и обществу», а также своей семье нередко встречается в прошениях еврейских абитуриенток. Так, Ш. Х. Каминская из мелкопомещанской гомельской семьи в прошении на имя директора ВЖК в качестве мотива учебы указывает «максимально полезную работу государству»²⁵. Мечта о достижении «лучшей жизни» в столице, получение диплома как способа стать прочной поддержкой для членов своей семьи становится одним из главных в прошениях о поступлении или ходатайствах о приостановлении выселения курсисток. Л. И. Шмуилович отмечала, что не могла найти работу в Самарканде, была в тягость родителям, а в столице, проходя обучение на Раевских курсах, она смогла найти достойное занятие, приносящее ей дополнительные средства, позволившие ей обрести самостоятельность²⁶. Надежда на улучшение финансовой ситуации и обретение материальной независимости толкнула на продолжение образования в столице и курсистку И. Д. Иоселеву из Минска, Р. Д. Рухлину из Саратова и многих других²⁷. Вышеупомянутая курсистка ВЖК Каминская сетовала на то, что, как еврейка, ничем больше не могла зарабатывать в «маленьком уездном городке» и потому решила изменить свою жизнь, устремившись в Петроград на учебу²⁸.

В связи с тем, что преобладал все же мотив финансового благополучия, истинное призвание к определенным наукам могло играть скорее всего второстепенную роль. Среди прошений о принятии в число студентов в различные женские учебные заведения мы не раз видим, что девушки либо подавали документы на несколько специализаций сразу, либо уже через год переводились на другую специальность по причине отсутствия интереса к прежней. Уже упомянутая бестужевка Ш. Х. Каминская имела настолько сильное желание поступить, что ей неважна была профессия: она подала документы сразу на несколько специальностей ВЖК: на биохимию, юридическое и историко-филологическое отделения²⁹.

Довольно сложно выделить основные предпочтения еврейских абитуриенток профессионально в смысле статистики, поскольку мы не имеем полной картины.

²² Сарра Наумовна Райхинштейн // ЦГИА СПб. Ф. 385. Оп. 1. Д. 12; Шейна Слосман // Там же. Д. 13; Берта Розенблюм // Там же. Д. 26.

²³ Слиозберг Г. Б. Дела давно минувших дней // Евреи в России: XIX век. М., 2000. С. 345–346.

²⁴ Щитинская-Цветова Л. К. Облик бестужевки начала века // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. Л., 1973. С. 296.

²⁵ Каменская Шифра Хаимовна // ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 648. Л. 5.

²⁶ О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге для получения образования на женских курсах Раева // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 88. Л. 58.

²⁷ Там же. Л. 95, 104, 112, 128.

²⁸ Каменская Шифра Хаимовна. Л. 5.

²⁹ Там же.

В частности, многочисленность евреек на юридическом факультете ВЖК по сравнению с другими может объясняться стремлением грамотно разбираться в законодательных нюансах по еврейскому вопросу и ограничением еврейским девушкам на педагогическую деятельность. Это еще могло быть связано с общими надеждами на решение вопроса о женской адвокатуре. В целом, как вспоминал Г. Б. Слиозберг, среди этой категории молодежи наиболее востребованным было медицинское образование. Искреннее стремление к медицине и настойчивость в овладении именно врачебной профессией можно заметить в биографии курсистки Б. В. Гаркави. Она закончила частный пансион в Бобруйске и класс Могилевской женской гимназии с медалью. После этого она преподавала в Бобруйске, а также подрабатывала частными уроками. Из-за отсутствия в России медицинского института для женщин, как указывала сама Блюма, она уехала учиться за границу, но в связи с финансовыми сложностями вынуждена была вернуться в Россию. В 1898 г. девушка поступила в Императорский клинический повивальный институт, после чего через год обратила свое внимание на Петербургский женский медицинский институт. В прошении она подчеркивала свое пристрастие именно к медицинской науке³⁰.

Образ столицы для приезжих еврейских курсисток формировался из русской классической литературы или из рассказов о нем родственников и друзей, уже побывавших в Санкт-Петербурге. Представление о столице могло омрачаться после рассказов о потенциальных трудностях, которые ждали евреев за чертой оседлости в связи с правовыми ограничениями. Так, С. Ю. Прегель из семьи одесского промышленника и певицы, поступившая в Императорскую Петербургскую консерваторию, составила свое представление о столице (довольно положительное) из книг. Однако при этом она эмоционально рассуждала о препятствиях, которые ждали евреев в столице, очевидно, почерпнутых из рассказов близких и родных. И в целом к Петербургу у нее в детстве сформировалось настороженное отношение. Для нее — ребенка — это был город, в котором отсутствовали привычные с детства и дорогие сердцу элементы повседневности: «Когда Левочка рассказал, что в Петербурге нет бубликов с семитатю, мне стало жалко его. Что за радость жить в городе, где нет ни рубленных синих баклажан, ни семитати»³¹.

Фактор родственных связей играл немалую роль в принятии решения о переезде в столицу. Преобладающими семьями, из которых происходили абитуриентки, были многодетные, а абитуриентки не были старшими в них. Часто инициаторами для переезда девушки в Санкт-Петербург становились старшие брат или сестра, уже проживавшие в столице и желавшие соединить свои семьи. Студент Технологического института М. Д. Кучер пытался перевезти в Санкт-Петербург из Севастополя свою младшую 17-летнюю сестру, так как отец эмигрировал в США, а остальные родственники тоже уехали из России. В столице он планировал помочь ей поступить в высшее учебное заведение, но на тот момент у нее был аттестат о семи классах образования, и он помогал ей готовиться к сдаче экзамена в восьмой класс, незаконно перевезя ее в столицу и обеспечивая ее материально. Впоследствии полиция выяснила, что сестра до переезда в столицу жила не одна, что их дядя и сестра все же живут в Елисаветграде, а сам студент является активным

³⁰ Гаркави Блюма Вениаминовна // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 8924. Л. 2.

³¹ Прегель С. Мое детство: в 3 т. Т. 3. Париж, 1972. С. 403.

участником революционного движения³². М. Д. Виленкина поехала в столицу вслед за братом — студентом Императорского Петербургского университета, — чтобы учиться на Женских политехнических курсах. Совместное проживание и взаимопомощь в столице материально облегчали жизнь им и их родителям, выходцам из семьи крупных лесопромышленников³³. Н. Г. Шварц, у которой на попечении после смерти родителей осталась младшая сестра, решила перевезти ее из Гродно в столицу. К тому времени Н. Г. Шварц уже работала зубным врачом, а сестра после окончания гродненской гимназии планировала поступать на Женские политехнические курсы именно по инициативе сестры. Обе они происходили из многодетной семьи, остальные братья и сестры работали в разных городах черты оседлости³⁴. Очень похожая ситуация была и у Е. А. Рабинович — курсистки Раевских курсов. Она помогала сестре Р. А. Рабинович поступать на Женские политехнические курсы, проживая с еще одной сестрой — аптекарским помощником. При этом сестры были сиротами³⁵. Старшая сестра П. Г. Гаркави училась в Женском медицинском институте Санкт-Петербурга, и, вероятно, это стало решающим в процессе принятия решения о переезде в столицу из Гродно³⁶. Для С. Л. Чертовой из Ростова-Дону решающим фактором стало то, что только в столице у нее остались родственники³⁷. Родители предпочитали, чтобы дети жили и учились в одном учебном заведении или хотя бы в одном городе. Отец А. и С. Шик — Е. Д. Шик — сначала позаботился о поступлении старшей дочери в консерваторию, затем младшей, с разницей в один год³⁸. Есть и обратный пример, когда родители ехали в столицу вслед за курсистками. Так, отец Э. Д. Рабинович, Д. И. Рабинович, приехал в столицу после того, как его дочь поступила в консерваторию, и даже изменил статус в 1915 г.: из трокского купечества приписался к петроградскому³⁹. В целом довольно значительная часть абитуриенток приезжали в столицу, уже имея там родственников, которые оказывали им финансовую поддержку либо помогали найти подработку на время учебы⁴⁰. Таким образом, переезжали постепенно целые семьи.

Идея поступления в столичное высшее учебное заведение исходила и от подруг по гимназии или месту жительства. Эти идеи в дальнейшем подкреплялись совместной арендой жилья в Санкт-Петербурге на время учебы. К сожалению, подробных сведений об этом нет, но косвенные данные свидетельствуют, что в одних и тех же квартирах проживали окончившие одну и ту же гимназию одногодки-девушки из еврейских семей. Так, поступавшие в один год И. Л. Гумбинер и Р. Д. Баренблат из Витебска проживали по адресу: наб. р. Мойки, 14, кв. 25⁴¹, а М. Д. Виш-

³² О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге для получения образования на Высших коммерческих курсах Побединского // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 87. Л. 314.

³³ О разрешении вольнослушателям евреям жить в Санкт-Петербурге // Там же. Д. 93. Л. 56.

³⁴ Там же. Л. 251–253.

³⁵ Там же. Л. 366.

³⁶ Там же. Л. 326.

³⁷ О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге для получения образования на женских курсах Раева // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 88. Л. 258.

³⁸ Шик Анна Еселевна // ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 2. Д. 7551; Шик Сильвия Еселевна // Там же. Д. 7552.

³⁹ Рабинович Эстер Давыдовна // Там же. Д. 5601. Л. 3–4.

⁴⁰ О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге для получения образования на женских курсах Раева // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 88. Л. 258, 297, 392, 404, 426.

⁴¹ Там же. Л. 66, 218.

невецкая и Х. И. Брин из Мелитополя снимали квартиру по адресу: 6-я линия Васильевского острова, 17, кв. 7⁴². Х. И. Лившиц и М. И. Паперина из Речиц снимали квартиру на ул. Подольской, 37⁴³. Р. Д. Перл из Гродненской губернии, поступившая на Женские политехнические курсы, арендовала жилье совместно с Г. Х. Шварц — вольнослушательницей Императорского Санкт-Петербургского университета на ул. Бронницкой, 4, кв. 5⁴⁴. В целом география аренды жилья приезжими еврейскими девушками на время обучения закономерно затрагивала центральные улицы, наиболее часто из них: Невский и Загородный проспекты, Казанскую, Садовую, Большую Морскую улицы.

В равной степени с теми, у кого уже проживали родственники в Санкт-Петербурге, приезжали в столицу и девушки совершенно одинокие, вынужденные искать себе пропитание и жилье самостоятельно. И хотя в прошениях абитуриентки указывали, что находятся на иждивении своих родителей, старших братьев или родственников — участников войны (период 1914–1918 гг.), в реальности курсистки вынуждены были искать дополнительный заработок во время обучения и, наоборот, помогали финансово своим близким. В связи с таким тяжелым материальным положением студентов на имя директоров высших женских учебных заведений поступало много прошений об отсрочке оплаты или частичного погашения стоимости обучения. В частности, в Женском политехническом институте за период с 1906 по 1916 г. еврейские курсистки составляли значительную часть таких прошений⁴⁵. На имя директора Психоневрологического института поступало много ходатайств от курсисток с просьбой об отсрочке платы за определенный семестр. Проректор ПНИ Б. Е. Райков мог давать такую рассрочку или отсрочку по оплате лишь на полгода. Финансовое положение обременялось еще и тем, что на иждивении у курсистки могли находиться ее ближайшие родственники. Курсистка Раевских курсов Р. Б. Гольдман, снимавшая жилье на Невском проспекте, материально поддерживала старую мать и больную сестру⁴⁶, Р. Н. Шапиро отправляла заработанные деньги родителям⁴⁷.

Уже в столице такие курсистки вынуждены были прерывать учебу из-за финансовых трудностей и поисков заработка. Бестужевка Р. М. Герб в течение первого года обучения вынуждена была искать работу и не справилась с экзаменом по одной дисциплине, за что была отчислена, а позднее восстановлена снова⁴⁸. Та же участь постигла и вышеупомянутую курсистку Ш. Х. Каминскую: она большую часть времени уже в первый год обучения на курсах вынуждена была провести в своем родном городе, зарабатывая средства к существованию в столице⁴⁹. Дочь

⁴² О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге для получения образования на женских курсах Раева // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 88. Л. 156, 165.

⁴³ О разрешении вольнослушателям евреям жить в Санкт-Петербурге // Там же. Д. 93. Л. 77, 217.

⁴⁴ Там же. Л. 251, 352.

⁴⁵ Списки студентов с 1909 по 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 871. Оп. 3. Д. 30. Л. 116–126.

⁴⁶ О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге для получения образования на женских курсах Раева // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 88. Л. 369.

⁴⁷ О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге // Там же. Д. 414.

⁴⁸ Герб Роза Мовшевна // ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 618. Л. 3.

⁴⁹ Каменская Шифра Хаимовна // Там же. Д. 648. Л. 5 об.

витебского врача А. В. Идельсон была отчислена из Психоневрологического института за то, что не смогла внести плату за обучение⁵⁰.

В годы Первой мировой войны число прошений об отсрочке оплаты или частичного погашения стоимости обучения возросло. Это было связано, с одной стороны, с общей тяжелой экономической ситуацией, а с другой стороны, с возросшим количеством беженок среди курсисток. Они также были в состоянии финансового неблагополучия. Так, М. И. Гальберштадт из Вильно периодически просила об отсрочке внесения платы в Психоневрологическом институте, оказавшись в Петрограде беженкой в годы Первой мировой войны с матерью, не способной к труду⁵¹.

В целом материальные и бытовые трудности, с которыми сталкивались курсистки столицы начала XX в., не относились исключительно к еврейским девушкам. Фактически все приезжавшие из других городов в Санкт-Петербург девушки проходили этот этап и терпели бедственное положение в бытовой жизни. На Всероссийском съезде по образованию женщин один из его участников, Г. И. Гордон, сделал доклад о тяжелейших материальных условиях учившихся девушек. Он отмечал, что 40 % курсисток испытывали финансовые проблемы, ютились в комнатах, похожих больше на подвалы. Такие невыносимые условия приводили к самоубийствам на почве голода, физических лишений и осознания невозможности продолжить обучение⁵².

Осенью 1906 г. возникли проблемы с правом проживания курсисток в столице, и в министерство внутренних дел поступило огромное количество прошений от них о приостановлении выселения. Главным во всех письмах говорилось о материальных сложностях, которые авторы испытывали и преодолевали на пути к получению диплома, уже проживая в Санкт-Петербурге некоторое время. В прошениях даже сквозило разочарование условиями жизни в городе именно по причинам финансовых сложностей. Так, курсистка Раевских курсов Х. А. Левина отмечала, что Санкт-Петербург для нее «город совершенно чужой», она влачила жалкое существование, но смирилась со своим положением⁵³. Практически все прошения за редким исключением имели схожие «слезные» нарративы и, вероятно, были составлены по некоему общему образцу или логике нотариусов с определенной целью: разжалобить полицию и разрешить остаться в городе. Примечательно, что в некоторых прошениях можно наблюдать и противоречия. Так, с одной стороны, девушки стремились к повышению уровня своего образования в расчете на улучшение уровня жизни в будущем после получения заветного диплома; с другой стороны, многие из них отмечали, что им даже пришлось бросить хорошую работу в своем родном городе ради поступления в учебное заведение столицы. Очевидно, это объясняется желанием смягчить решение чиновников об их выселении из Санкт-Петербурга.

Помимо финансовой помощи абитуриентки нуждались в моральной поддержке со стороны своих родственников. Выпускница-бестужевка С. И. Стриевская

⁵⁰ Идельсон Александра Вениаминовна // ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 3725. Л. 7.

⁵¹ Гельберштадт Мария Исааковна // Там же. Оп. 3. Д. 75. Л. 15.

⁵² Гордон Г. И. Самоубийства учащихся женщин // Труды Всероссийского съезда по образованию женщин. Пг., 1915. С. 632.

⁵³ О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге для получения образования на женских курсах Раева // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 88. Л. 119.

в своих воспоминаниях подчеркивала, что поступающим на курсы приходилось бороться с сопротивлением окружающей среды, идти против мещанских предрассудков, многие долго не могли добиться от родителей разрешения на учебу. По наблюдениям С. И. Стриевской, на ВЖК в большинстве случаев поступали наиболее одаренные и волевые девушки, ведь они понимали, что для поступления необходимо преодолеть ряд трудностей⁵⁴. Примечательна и двоякая ситуация, сложившаяся, например, в семье писательницы А. Я. Бруштейн. С одной стороны, она была свидетелем разговоров о бестужевских курсах как о месте, где «вправляют мозги», и было ясно, что рассуждавшие об этом не одобряют подобные учебные заведения. С другой стороны, ее отец, известный в Вильно врач, пропагандировал необходимость знаний, и это повлияло в конечном счете на решение юной Александры⁵⁵.

Вероятно, говоря о трудностях, которые необходимо было преодолеть девушкам для поступления на ВЖК, часто имелось в виду столичное (большей частью нееврейское) общество. Подразумевалась также и потенциальная опасность увлечения девушками политической активностью. Как отмечала бывшая курсистка ВЖК Л. К. Щетинская-Цветова, родители часто не одобряли уход девушки из семьи и отказывали в помощи⁵⁶. Однако подобные трудности приходилось преодолевать и девушкам, приезжавшим из городов в черте еврейской оседлости с устоявшимися традициями. Стремление получить высшее образование девушками было все еще относительно новым веянием для многих семей в еврейском обществе, и далеко не всегда воспринималось родителями положительно. Во многом это зависело от географии и тенденций в разных еврейских общинах и позиции семьи относительно веяний Гаскалы уже на этапе решения вопроса о поступлении девочки в среднее учебное заведение. Так, по свидетельству Г. Б. Слиозберга, евреям в Малороссии легче было решиться отдать дочерей в общие школы, чем сыновей. Болезненное восприятие факта поступления девочки в светскую среднюю школу, вероятно, было связано с отношением к Гаскале, как это, например, произошло в случае с третьим поколением в описании П. Венгеровой⁵⁷. Получение образования воспринималось автором воспоминаний как отход от традиционного уклада жизни и постепенный путь к атеизму.

К началу XX в. уже невозможно установить четкой корреляции между социальным статусом родителей абитуриенток и решением получить высшее образование в столице. По данным доступных нам документов среди еврейских абитуриенток видимую часть представляли дочери мещан, купцов и тех, кто имел какой-либо капитал или собственное дело. Это соответствует картине, представленной исследованием А. Е. Иванова. По его подсчетам, среди обучавшихся в Москве, Киеве, Одессе большинство еврейских студентов были представителями среднего капитала — торговцев и заводчиков, минимальный процент составляли дети лиц, обслуживающих еврейские общины в черте оседлости⁵⁸. Все больше курсисток по-

⁵⁴ Стриевская С. Участие бестужевки в революционном движении // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. С. 23.

⁵⁵ Бруштейн А. Дорога уходит в даль. М., 2022. С. 27.

⁵⁶ Щетинская-Цветова Л. К. Облик бестужевки начала века // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. С. 296–297.

⁵⁷ Венгерова П. Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX в. Иерусалим, М., 2017.

⁵⁸ Иванов А. Е. Еврейское студенчество... С. 82.

ступали в столичные высшие учебные заведения из семей, в которых отец получил высшее образование, в основном в сфере медицины. Это и закономерно: именно они (с большей вероятностью ассимилированные), вероятно, стали пропагандистами высшего образования в своей семье. В общеимперском масштабе в этот период среди абитуриенток все меньше дочерей дворян, а в условиях демократизации, в частности на ВЖК, удельный вес дочерей купцов, мещан, ремесленников, военных чинов и крестьян в начале XX в. увеличивался⁵⁹.

Среди обучавшихся на курсах нами обнаружен лишь один случай принадлежности курсистки к семье человека, так или иначе имеющего отношение к еврейской общественной и религиозной жизни. Это бестужевка С. И. Яникун, дочь двинского учителя⁶⁰. Большинство же курсисток были из состоятельных семей купцов, мещан и почетных граждан. Например, студентка курсов Лохвицкой-Скалон Р. Д. Лазерсон происходила из большой и обеспеченной семьи: ее отец в Митаве владел недвижимостью и делом, приносившим немалый доход, дед был крупным торговцем железом, дядя был лесопромышленником⁶¹. Отец курсистки А. Х. Мазур был кишиневским купцом и владельцем водочного завода и фабрики извести⁶².

В купеческой среде наблюдалось все больше тенденций к получению высшего образования, обусловленное, вероятно, постепенным усилением склонности к ассимиляции. Так, москвичка М. Г. Якуб из еврейской купеческой семьи вспоминала, что ее с пяти лет отдали учиться в частную школу, принадлежавшую их знакомой. С гимназического периода она серьезно увлеклась литературой и историей, читала много естественно-научной литературы, «возлагала надежды на науку, думала, что она даст ответы»⁶³. После окончания гимназии с золотой медалью в 1898 г. она поступила в Петербургский женский медицинский институт. Примечательно, что институт открылся лишь за год до подачи М. Г. Якуб прошения и стал первым в России учебным заведением, в котором женщины могли получить высшее медицинское образование. Таким образом, семья следовала самым новым веяниям в системе российского женского образования.

Сравнение текстов прошений еврейских девушек и юношей позволяет уточнить мотивы поступления молодежи в высшие учебные заведения. Стремление получить высшее образование у еврейских юношей в большинстве случаев было настолько велико, что становилось на определенный срок главным смыслом жизни. Это было связано с тем, что только высшее образование было потенциальным способом обеспечить стабильность себе, родителям и будущей семье. Значимость этого события для жизни абитуриента ярко отражалась и в риторике прошений, и в последующих действиях как абитуриентов, так и их родителей. Ряд прошений юношей отличается подробным описанием процесса обучения в гимназии и формированием мечты, в которой получение профессии являлось, по выражению абитуриента, «жаждой», «истинным призванием». Другие абитуриенты акцентировали внимание на том, чем им грозил провал при поступлении в высшее учебное

⁵⁹ Вахромеева О. Бестужевка в цифрах. С. 42.

⁶⁰ Яникун Сима Иохелевна // ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 581. Л. 2.

⁶¹ О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге для получения образования на Высших Женских курсах Лохвицкой-Скалон // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 90. Л. 32.

⁶² Там же. Л. 6.

⁶³ Якуб Мина Гиршевна // ЦГИА СПб. 436. Оп. 1. Д. 8874. Л. 2.

заведение: «это разрушило мою карьеру, и я оказался в плачевном положении»⁶⁴, «не смогу прокормить большую семью и престарелых родителей»⁶⁵.

В прошениях о принятии в число студентов автору было важно расставить акценты определенным образом. В одних случаях родители или абитуриенты подчеркивали свое «крайне бедственное материальное положение», связывая все надежды на будущее с получением высшего образования. В других случаях пытались обратить внимание на многолетнюю службу своих близких более-менее известных родственников на «пользу Родине». Прослеживаются настойчивые повторные попытки абитуриента поступить в случае провала в течение еще нескольких лет, а также письма родителей в Министерство просвещения с просьбой пересмотреть баллы их сыновей⁶⁶. Важно отметить довольно настойчивую заботу родителей юноши о том, чтобы в городе, где он будет учиться, обязательно были родственники или друзья, оказывавшие бы ему материальную и моральную поддержку. Именно поэтому нередко братья и сестры устремлялись в один и тот же город для обучения, а родители были даже готовы переехать вслед за сыновьями.

В случае с еврейскими юношами ситуацию явно отличает две особенности: крайняя заинтересованность и в некоторой степени даже настойчивость со стороны родителей абитуриента и «слезность» нарратива юношей, чего нельзя сказать о еврейских девушках. Прошения абитуриенток отличает спокойная манера письма, более редкие случаи упоминаний связей с известными родственниками, хотя и такие случаи нами обнаружены. Так, отец абитуриентки ВЖК Д. И. Тувим — доктор медицинских наук из Санкт-Петербурга, просил помочь с поступлением дочери своего коллегу ученого биолога А. Г. Генкеля, который ходатайствовал о принятии Дины перед руководством курсов. В этой ситуации примечательно и то, что, вероятно, отец был вдохновителем дочери на получение высшего образования⁶⁷. К. Штейнгер из Харькова в прошении на имя министра внутренних дел отмечал, что он 28 лет посвятил себя горному делу, удостоен личного почетного гражданства в Харькове, награжден медалью «За усердие» и подчеркивал эти заслуги с надеждой повлиять на решение комиссии о принятии его дочери на женские архитектурные курсы Богаевой в столице⁶⁸. В этом примере мы видим представителей русско-еврейской интеллигенции — семью, которая уверенно выбрала путь ассимиляции.

Аналогичный пример влияния родителей на решение о поступлении мы можем видеть и в семье историка русского еврейства С. М. Дубнова. Его дочь Софья была курсисткой Бестужевских курсов, получившей среднее образование в одной из гимназий Одессы. В этой гимназии обучались преимущественно дочери местных евреев — фабрикантов, крупных и мелких торговцев, врачей и адвокатов. Те, кто стремились к высшему образованию, знали, что без медали не смогут осуществить свою мечту. По мнению Дубновой, это не требовало особого прилежания, потому что уровень знаний в средних школах был очень низким⁶⁹. Выбор столицы в качестве места обучения был явно продиктован связями ее отца, а также его

⁶⁴ О евреях // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 37. Л. 5.

⁶⁵ По прошениям евреев о приеме в высшие учебные заведения // Там же. Оп. 153. Д. 4. Л. 131.

⁶⁶ По прошениям евреев о приеме в высшие учебные заведения // Там же. Оп. 152. Д. 30. Л. 72.

⁶⁷ Тувим Дина Исааковна // ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 755. Л. 3.

⁶⁸ О разрешении жительства евреям в Санкт-Петербурге для получения образования // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 379. Л. 80.

⁶⁹ Дубнова-Эрлих С. Хлеб и маца: Воспоминания. Стихи разных лет. СПб., 1994. С. 64.

мировоззрением и все большей вовлеченностью в еврейскую издательскую, общественную и научную жизнь столицы. Для Дубновой образ Петербурга складывался из русской художественной классической литературы, которую она читала в большом количестве, и девушка с замиранием сердца готовилась к встрече со столицей. С детства под руководством отца она знакомилась как с русской, так и с еврейской литературой. Наряду с произведениями поэтов Х. Н. Бялика и С. Г. Фруга она читала Н. А. Некрасова, а параллельно с трудами русского историка В. О. Ключевского изучала работы немецкого историка еврейского народа Г. Греца. В целом круг чтения определил именно отец, на которого эти авторы тоже в свое время повлияли⁷⁰.

Однако С. С. Дубнова была, вероятно, больше предрасположена к русской культуре, нежели к еврейской. Она отмечала, что Палестина не была для нее страшной будущего, а являлась лишь частью еврейской истории. И это несколько отдалило ее от сверстников. Можно с уверенностью утверждать, что ко времени выпуска из гимназии у С. С. Дубновой с ее широким кругозором, погруженностью в русскую культуру появилось стремление к получению высшего образования. По-видимому, и отец не только вдохновил ее на поступление, но и напрямую этому способствовал: она отмечала, что поступила на курсы благодаря хлопотам «папиных друзей», и он радовался, что она смогла осуществить то, что не удалось в молодости ему⁷¹.

Дочь еще одного яркого представителя русско-еврейской интеллигенции — еврейского библиографа и историка Д. Г. Маггид — Софья прошла обучение в Петербургской консерватории. Материальное благополучие и детство вне черты оседлости позволили Соне Маггид получить современное образование, вначале среднее, а затем высшее музыкальное. Вероятно, педагогическая и концертная деятельность не очень удовлетворяли С. Д. Маггид. Дальнейшую жизнь С. Д. Маггид посвятила изучению еврейского фольклора и, как и ее отец в 1920-х гг., была членом Еврейского историко-этнографического общества⁷². В данном случае ярко прослеживаются влияние отца на профессиональный путь дочери и ее преданность еврейской культуре.

Чувство принадлежности к своему народу сохранила дочь купца С. Коган — курсистка ВЖК. Приехав с гимназическим аттестатом из внутренней губернии, происходя из ассимилированной еврейской купеческой семьи Ставрополя, она возглавляла отделение Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ) на ВЖК. После окончания курсов посвятила себя начальному образованию. В годы Первой мировой войны она заботилась о детях евреев-беженцев, проводила занятия с детьми дошкольного возраста и организовывала вечерние образовательные курсы для подростков⁷³.

Сильным стимулом для поступления и переезда в столицу была увлеченность революционным движением. К моменту окончания гимназии политически-активные девушки уже четко представляли себе цель и имели опыт общественно-политической деятельности. Некоторые даже успели побывать под наблюдением

⁷⁰ Дубнов С. Книга жизни: материалы для истории моего времени, воспоминания и размышления. М.; Иерусалим, 2004. С. 237.

⁷¹ Там же. С. 65.

⁷² Светозарова Н. Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892–1954) // Из истории еврейской музыки в России. Вып. 2. СПб., 2006. С. 309–334.

⁷³ Вахромеева О. Бестужевки-еврейки. С. 308.

полиции в связи с подозрением в участии в антигосударственных организациях, подвергались обыску и даже аресту⁷⁴. Ярким примером является судьба курсистки ВЖК Ф. Н. Якобсон. Уже к моменту поступления на курсы она имела в своей биографии немаловажный для имперских властей пункт: перед получением золотой медали она была арестована за укрывательство эмигрантов и с 16 лет считалась политически неблагонадежной. Приехав из Мариуполя в Санкт-Петербург после окончания женской гимназии, девушка стремилась «не только учиться и слушать лекции, но жить и работать в центре революционного студенчества»⁷⁵. Несмотря на это, Ф. Н. Якобсон действительно много времени отдавала учебе и посещала курсы, относящиеся не только к биологическому направлению физико-математического факультета ВЖК, но и к литературе и гуманитарным наукам. В процессе обучения она сталкивалась с финансовыми трудностями, из-за чего вынуждена была периодически возвращаться в Мариуполь и подрабатывать там частными уроками. Участвовала в работе женских рабочих кружков, в издании подпольного женского журнала⁷⁶. Не раз была арестована, принимала активное участие в студенческих социал-демократических кружках, при этом не отмечаясь никак в еврейских общественных делах⁷⁷.

Курсистка историко-филологического факультета ВЖК С. И. Стриевская еще до поступления на курсы была активной участницей революционного движения: с юности участвовала в работе нелегальной организации учебных заведений Петербурга. Она происходила из семьи минского коммивояжера, после нескольких лет обучения в минской Мариинской гимназии продолжила среднее образование в одной из петербургских гимназий. Уже в период учебы на курсах участвовала в демонстрации и забастовке по случаю смерти Л. Толстого. Выполняла задания одной из нелегальных организаций Бестужевских курсов. Из ее воспоминаний следует, что фактически главным направлением жизни, начиная с ВЖК, стала общественная и революционная работа, поэтому в дальнейшем, в годы советской власти, она стала преданным партийным и профсоюзным работником. Она отмечала, что на курсах действовало много общественных организаций полулегального и нелегального характера, участие в них было рискованным, но это никого не останавливало⁷⁸.

Увлеченность революционными идеями часто захватывала курсисток уже во время обучения. Б. Я. Гальцер, дочь мещанина, приехала в столицу в 1915 г. после окончания Новозыбковской гимназии. Она поступила на математическое отделение ВЖК по квоте приема евреек, но, как сама отмечает, «ушла в работу студенческих организаций, забросив ученье»⁷⁹. Полный курс обучения С. С. Дубнова не прошла, так как в 1904 г. была отчислена за участие в студенческой сходке. Сама

⁷⁴ О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге для получения образования на Высших Женских курсах Лохвицкой-Скалон. Л. 14 об.

⁷⁵ Якобсон Фани Наумовна // Вахромеева О. Духовное пространство университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследование и материалы. СПб., 2003. С. 168.

⁷⁶ Стриевская С. Участие бестужевки в революционном движении // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. С. 65.

⁷⁷ Якобсон Фани Наумовна. С. 168.

⁷⁸ Стриевская С. И. Общественные организации и общественная работа бестужевки // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. С. 71–80.

⁷⁹ Гальцер Броха Янкелевна // ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 435. Л. 2.

Дубнова отмечала, что на этой сходке почувствовала «причастность к некоему общему делу»⁸⁰. В дальнейшем примкнула к революционному движению, включившись в деятельность партии Бунд. В целом же фактически в каждом высшем женском учебном заведении Санкт-Петербурга присутствовали политически активные курсистки. Так, в будущем активная участница революционного движения и член большевистской партии, агитатор Б. А. Ратнер из Гродненской губернии поступала в 1915 г. на медицинский факультет Психоневрологического института. Гимназию в Слуцке она окончила с золотой медалью, а учебу в вузе уже на второй год ей пришлось прервать, так как девушка вынуждена была зарабатывать на жизнь частными уроками⁸¹.

Известный в истории российского женского образования факт, что в 1911 г. ВЖК были приравнены к высшим учебным заведениям, связан именно с именем еврейской курсистки Д. Ш. Рафаилович, дочерью дриссенского купца второй гильдии, которая окончила Бестужевские курсы по историко-филологическому отделению. Она посвятила себя педагогической деятельности, жила в столице вместе с отцом. Осенью 1902 г. Д. Рафаилович поселилась отдельно от него и намеревалась осуществить свое право на жительство по образовательному цензу. Полицейский при проверке документов увидел, что в Уставе о паспортах ВЖК не упомянуты, и решил, что у нее нет прав на проживание за чертой оседлости. Д. Рафаилович обратилась к помощнику присяжного поверенного Л. М. Айзенбергу за юридической помощью. В Сенате на протяжении долгого времени с 1902 по 1911 г. решался вопрос о том, являются ли ВЖК высшим учебным заведением⁸². Дело получило широкий общественный резонанс, в нем участвовали министры, сенаторы, члены Государственного Совета.

В период Первой мировой войны появился льготный прием в высшую школу участников войны или их родственников. Это привело к быстрому росту числа студентов-евреев⁸³. На Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсах в условиях военного времени прием прошений от родственников участников войны продлевался⁸⁴. В Женский медицинский институт сверх процентной нормы в 1915 г. было принято по льготному приему 42 девушки⁸⁵. Закономерно, что в новых условиях в прошениях абитуриенток появились упоминания братьев или иных родственников — участников войны⁸⁶. Среди еврейских абитуриенток участницы войны тоже были. Так, дочь зубного врача из Полтавы Э. М. Бавер участвовала в войне до поступления в ПНИ в качестве сестры милосердия. У нее также возникли

⁸⁰ Дубнова-Эрлих С. Хлеб и маца. С. 80.

⁸¹ Ратнер Берта Ароновна // ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 7703. Л. 3–19.

⁸² По жалобе еврейки Двойры Рафаилович, присяжного поверенного Айзенберга, на распоряжение Санкт-Петербургского градоначальника об отказе в предоставлении права жительства окончившей ВЖК // РГИА. Ф. 1330. Оп. 9. Д. 1302; Айзенбер Л. Видны правительства в еврейском вопросе. Г. Плевне и еврейки-бестужевки // Еврейская летопись. Сб. 2. Пг., 1923. С. 73–86.

⁸³ Иванов А. Е. Студенчество России. С. 227.

⁸⁴ Еврейская неделя. 1915. № 17.

⁸⁵ Еврейский студент. 1915. № 20.

⁸⁶ Вейцер Лея Иосифовна // ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 1562. Л. 8; Версес Хая // Там же. Д. 1573. Л. 3; Галкина Рива Фридмановна // Там же. Оп. 3. Д. 82. Л. 14; Гуревич Юдифь Гиршевна // Там же. Д. 206. Л. 15; Раппопорт Любовь Сабсовна // Там же. Ф. 113. Оп. 7. Д. 705. Л. 4; Круз Сара Давыдовна // Там же. Д. 660. Л. 2; Герб Роза Мовшевна // Там же. Д. 618. Л. 15; Танская Сура-Лея Срулевна // Там же. Д. 861. Л. 2; Маршон Фейга Лейбовна // Там же. Д. 678. Л. 1.

финансовые сложности в период обучения, и она вынуждена была просить об отсрочке внесения платы за обучение из-за задержки денег, которые ей были отправлены братом из действующей армии⁸⁷.

О том, насколько девушки оставались привержены своей национальной культуре к моменту поступления в высшее женское учебное заведение, мало известно. Некоторые абитуриентки подчеркивали свое еврейское происхождение с целью привлечь внимание на особенно угнетенное положение в стране, как, например, вышеупомянутая Ф. Н. Якобсон⁸⁸. Другие обращали внимание на то, что им, как еврейкам, сложно найти работу в своем родном городе. Некоторые после окончания гимназии работали именно в еврейских организациях. Н. Г. Шварц, дочь провизора, до поступления вольнослушательницей Императорского Санкт-Петербургского университета работала в еврейской богадельне Одессы⁸⁹. М. Д. Виленкина копила средства на поступление и жизнь в столице, работая учительницей в еврейском народном училище в Речице⁹⁰. В любом случае, переезжая в столицу, они вынуждены были оставить свое прежнее занятие, имея выбор продолжить принимать участие в развитии своей культуры через студенческие организации.

Анализ А. Е. Ивановым материалов самопереписи привел его к выводу о том, что: курсистки были более толерантны, чем юноши в вопросах культурно-национального самосохранения и ассимиляции еврейства⁹¹. При этом наличие самих самопереписей, по его мнению, свидетельствует об интересе студентов к национальному аспекту. Такой интерес мог отражаться и на организации студенческих кружков на основе общности взглядов или этнической принадлежности. Наиболее активная часть еврейской молодежи именно в еврейских кружках и видела путь к подъему национального настроения, создание специфической студенческой среды. Лидеры призывали еврейских студентов в этих кружках говорить на еврейские темы, использовать еврейский язык и дать понять русским студентам, что «мы защищаем свои интересы»⁹². Примечательно, что ни одна из еврейских студенческих групп не была создана в ответ на враждебность или дискриминацию в отношении них со стороны других студентов⁹³.

На ВЖК действовали две еврейские студенческие организации: касса взаимопомощи и историко-литературный кружок. Более активной была жизнь вокруг историко-литературного кружка: собрания, вероятно, проводились регулярно, по крайней мере, об этом сообщается почти в каждом номере «Еврейского студента» за 1915 г. На кружках зачитывались доклады, например «Женщина в произведениях Переца»⁹⁴, «О возникновении и развитии литературы на разговорно-еврейском языке». По свидетельствам корреспондентов, на одном из собраний было 40 человек⁹⁵. С. Дубнов в воспоминаниях отмечал, что на таком кружке ему довелось чи-

⁸⁷ Бавер Эйга Менделевна // ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 415. Л. 2.

⁸⁸ Якобсон Фани Наумовна. С. 168.

⁸⁹ О разрешении вольнослушателям евреям жительства в Санкт-Петербурге до окончания образования в Санкт-Петербургском университете // РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 93. Л. 253.

⁹⁰ Там же. Л. 58.

⁹¹ Иванов А. Е. Еврейское студенчество. С. 141.

⁹² Наш путь // Еврейский студент. 1915. № 4.

⁹³ Натанс Б. За чертой: Евреи встречаются с позднимперской Россией. М., 2007. С. 322.

⁹⁴ Еврейский студент. 1915. № 18.

⁹⁵ Там же. № 15.

тать лекции по еврейской истории⁹⁶. Впрочем, одна из курсисток ВЖК под именем Хана в русско-еврейском издании «Наш путь» утверждала, что это все было поверхностным, истинного интереса еврейская учащаяся девушка к своей культуре фактически не проявляла. Автор публикации связывала это с происхождением большинства курсисток из буржуазных ассимилированных семей⁹⁷. Еврейский кружок при ВЖК получал материальные пособия от Комитета ОПЕ⁹⁸. На ВЖК действовало целое отделение ОПЕ, которым заведовала вышеупомянутая С. Коган.

Касса взаимопомощи на ВЖК, открытая в 1906 г., вероятно, была аналогичной другим еврейским кассам, действовавшим в начале XX столетия в нескольких столичных высших учебных заведениях. О ней известно мало, в частности примечателен факт, что ее члены посещали Большую хоральную синагогу⁹⁹. В еврейской кассе на ВЖК, по свидетельству одной из участниц, вся жизнь сводилась к тому, чтобы раз в год выбирать правление, а обо всех остальных проблемах заботилось Еврейское общество поощрения высших знаний. Сплочения курсисток вокруг кассы не происходило в связи с отсутствием какой-то необходимости¹⁰⁰. Отдельные еврейские кассы были образованы в Императорском Санкт-Петербургском университете¹⁰¹ и Психоневрологическом институте¹⁰², однако нам неизвестно количество их участниц.

В Петроградском женском медицинском институте действовал кружок по изучению еврейской истории и литературы. При кружке функционировала библиотека, собрания планировалось проводить раз в две недели. На одном из собраний зачитывали доклад о поэте С. Г. Фруге¹⁰³. На Раевских курсах была предпринята попытка организовать кружок по изучению еврейской истории и литературы, а одна из корреспонденток курсов отмечала, что здесь он особенно необходим, так как на курсах преобладают девушки из центральных губерний¹⁰⁴.

Еврейское общество поощрения высших знаний оказывало материальную поддержку еврейскому студенчеству. Согласно его внутренней статистике, в 1914 г. Общество выделило единовременные пособия 26 еврейским курсисткам ВЖК впервые и 23 курсисткам — второй раз¹⁰⁵. Несколько подобных пособий было выделено для учащихся Женских педагогических курсов и Психоневрологического института¹⁰⁶.

Историк, историк литературы С. Я. Штрайх отмечал оторванность еврейских курсисток от «еврейских народных масс», угасание национального самосознания. Он связывает это с разницей в воспитании и среднем образовании мальчиков и девочек. По его мнению, мальчик получает некий базис для национального самосознания, у девочки почти нет знакомства с еврейским бытом, доступ к которому

⁹⁶ Дубнов С. Книга жизни. С. 348.

⁹⁷ Бестужевские курсы // Наш путь. Пг., 1916. С. 63.

⁹⁸ Вестник ОПЕ. 1912. № 11.

⁹⁹ Вахромеева О. Бестужевки-еврейки: социокультурный облик. С. 306–310.

¹⁰⁰ Бестужевские курсы // Наш путь. 1916. С. 63.

¹⁰¹ Баринов Д. А. Землячества Петербургского (Петроградского) университета: от Революции к Мировой войне // Клио. 2016. № 8 (116). С. 33.

¹⁰² Еврейские вести. 1916. № 8. 15 декабря.

¹⁰³ Еврейский студент. 1915. № 23–24.

¹⁰⁴ Раевские курсы // Наш путь. 1916. № 1.

¹⁰⁵ Еврейский студент. 1916. № 13.

¹⁰⁶ Там же.

имеет мальчик¹⁰⁷. В двухнедельном журнале «Еврейский студент», посвященном еврейской учащейся молодежи, периодически появлялись статьи, авторы которых отмечали падение национального самосознания еврейских курсисток. Мовов, автор одной из таких публикаций, сетует на то, что еще недавно еврейская девушка была наиболее консервативным элементом еврейской семьи, охранительницей устоев еврейства, старых традиций и быта. Современные условия, по мнению автора, превращают еврейскую девушку в «оплот ассимиляции»¹⁰⁸. Автор связывает надежды на восстановление национального самосознания курсисток с помощью привлечения их в сионизм и основания кружков. Бина Вольтинская — автор другой публикации — еще более пессимистична: она подчеркивает, что ни еврейский юноша, ни девушка, покидая школу, «ничего не ведают о еврействе и непричастны к родному народу»¹⁰⁹.

С одной стороны, налицо пессимизм в отношении сохранения еврейской молодежи приверженности своей культуре. С другой стороны, довольно большой резонанс получило среди петербургской еврейской общественности начала XX в. самоубийство студентки Гутик. Для возможности получения образования в столице и легального пребывания в городе еврейских девушек-абитуриенток и даже курсисток было два наиболее распространенных пути: креститься или зарегистрироваться в качестве проститутки для получения желтого билета. Гутик избрала второй путь, довольно распространенный в городе¹¹⁰, в то время как ее брат предпочел принять крещение. Паспорт девушки случайно попал к ее брату, и, узнав о судьбе своей сестры, он утопился. Трагическая история закончилась самоубийством самой Гутик¹¹¹.

Важной составляющей процесса ассимиляции является принятие крещения курсисткой в ходе обучения. Нам не удалось обнаружить факты крещения в личных делах обучавшихся на курсах девушек, однако в фондах Петербургской духовной консистории прошения о разрешении принять православие выявлены от имени девушек, имевших отношение к фельдшерским курсам М. Лохвицкой-Скалон и Э. И. Венгеровой¹¹². Так, Р. Б. Певзнер, приехав в столицу из Риги и окончив курсы Лохвицкой-Скалон, вышла замуж за инженера А. Певзнера. Последний прошел обучение Санкт-Петербургском политехническом институте, а спустя некоторое время решил принять христианство. В прошении 1911 г. он подчеркивал, что всякая его связь с еврейством порвана уже многими поколениями его семьи, его братья прошли крещение, и его жена придерживается таких же взглядов. Вместе они решили крестить и дочь¹¹³. По мнению А. Е. Иванова, фактором невысокой численности студентов, решавшихся на переход в христианство, было неодобрительное к ним отношение товарищей-иудеев. Принявшие христианство евреи ощущали маргинальность своего социального положения. В тех учебных заведениях, где

¹⁰⁷ Штрайх С. Я. Еврейская курсистка // Наш путь. Пг., 1916. С. 33–35.

¹⁰⁸ Мовов. Сионизм в высшей женской школе // Еврейский студент. 1916. № 15.

¹⁰⁹ Вольтинская Б. Закон Божий // Еврейский студент. 1915. № 20.

¹¹⁰ Синова И. В. Жизнь по «желтому» билету. СПб., 2021.

¹¹¹ Гордон Г. И. Самоубийства учащихся женщин // Труды II Всероссийского съезда по образованию женщин. Пг., 1915. С. 637.

¹¹² Прошения разных лиц о присоединении к православию // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 390. Л. 19, 53.

¹¹³ Там же. Л. 114.

среди еврейского студенчества были устойчивы сионистские настроения, они нередко дискриминировались единоверцами-христианами, как это было, например, в Томском университете. Положительное отношение к переходу в христианскую конфессию выразили только 2 % курсисток, а также молодые люди, оторвавшиеся от национальной почвы либо движимые стремлением к научно-педагогической деятельности¹¹⁴. Случаи перехода в христианство курсисток фельдшерских курсов Венгеровой связаны, очевидно, с тем, что у курсы периодически сталкивались с юридическими проблемами: правительство закрывало их в связи с превышением квоты¹¹⁵, а кроме того, обучение на курсах частных учебных заведений не давало права проживания в столице. Очевидно, к 1913 г. проблема крещения в еврейском обществе обострилась: еврейские абитуриенты города Николаева опубликовали коллективное письмо, выражая недовольство теми единоверцами, которые решили принять христианство ради поступления в высшие учебные заведения¹¹⁶.

В то же время мы наблюдаем и противоположные процессы, в частности, в предпочтении этнической составляющей в браке. С. И. Бернштейн, слушательница факультета общественных наук ВЖК вышла замуж за студента Императорского Санкт-Петербургского университета И. Рапопорта¹¹⁷. Ч. А. Бранзбург уже после окончания физико-математического отделения ВЖК в 1920-х гг. вышла замуж за студента иудейского вероисповедания одного из медицинских институтов¹¹⁸.

Таким образом, еврейские курсистки не представляли собой некоей единой группы с исходными идентичными характеристиками, за исключением происхождения и конфессии. Среди еврейских курсисток Санкт-Петербурга начала XX в. мы видим девушек из состоятельных семей и, напротив, из материально нуждающихся многодетных, как имевших высокую успеваемость в гимназии, так и не проявивших успехи в среднем образовании. Это свидетельствует в пользу глубокого проникновения идеи необходимости светского образования в еврейском обществе. Значимым и, пожалуй, преобладающим, фактором в принятии решения о поступлении в учебное заведение столицы для приезжих девушек был тесная связь с родственниками, уже проживавшими там и готовыми оказать моральную и финансовую поддержку. Часть еврейских девушек приезжали в столицу, напрямую рассчитывая на такую помощь, другим приходилось преодолевать материальные трудности. Приезжих еврейских абитуриенток объединяли настойчивость, целеустремленность, широкий кругозор, понимание необходимости образования для достижения достойных материальных условий и социального положения. Многим курсисткам важно было стать полезными для страны в целом и своих родственников в частности. Иными словами, целью многих еврейских курсисток было достижение независимости с помощью диплома о высшем образовании. Каким бы ни было их социальное происхождение, получение высшего образования отражалось на их идентичности и дальнейшей ассимиляции по-разному. Одних обучение в столичных высших учебных заведениях приводило к отдалению от еврейской традиции (переход в христианство, падение интереса к еврейским студенческим

¹¹⁴ Иванов А. Е. Еврейское студенчество в высшей школе России начала XX века. С. 144–146.

¹¹⁵ Рассвет. 1913. № 23.

¹¹⁶ Там же. № 29.

¹¹⁷ Бернштейн Софья Израилевна // ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 13. Л. 7.

¹¹⁸ Бранзбург Черна Ароновна // Там же. Д. 119. Л. 6.

кружкам и религиозности), другие оставались ей привержены (брак с единоверцем, продолжение дела родителей в изучении еврейской культуры, благотворительная помощь единоверцам). Среди еврейских курсисток преобладали девушки из купеческих и мещанских семей, что соответствовало общей тенденции среди абитуриентов в стране. Рост численности еврейских курсисток, желавших продолжить образование, свидетельствует и о коренном сдвиге в женском вопросе в России в целом, и об окончательной победе Гаскалы в еврейском обществе.

References

- Adler E. *V ikh rukakh. Devich'e evreiskoe obrazovanie v Rossiiskoi imperii*. Boston, Academic Studies Press; St. Petersburg, Bibliorossika Publ., 2022, 271 p. (In Russian)
- Arkhipevskaia A. Evreiskoe zhenskoe obrazovanie v Rossiiskoi imperii v kontse XIX — nachale XX veka. *Problemy evreiskoi istorii*, pt. 1. Moscow, Knizhniki Publ., 2008, pp. 333–346. (In Russian)
- Barinov D. A. Zemliachestva Peterburgskogo (Petrogradskogo) universiteta: ot Revoliutsii k Mirovoi voine. *Klio*, 2016, no. 8 (116), pp. 30–39. (In Russian)
- Boronoiev A. O., Brazevich S. S. Sotsial'nyi portret moskovskogo evreiskogo studenchestva nachala XX v.: istoriko-sotsiologicheskii analiz. *Sotsiologiia obrazovaniia*, 2016, no. 9, pp. 40–57. (In Russian)
- Hirsch L. *From the Shtetl to the Lecture Hall: Jewish Women and Cultural Exchange. Studies in Judaism*. Lanham, University Press of America, 2013, 308 p.
- Ivanov A. E. *Studenchestvo Rossii kontsa XIX — nachala XX v.: sotsial'no-istoricheskaiia sud'ba*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999, 414 p. (In Russian)
- Ivanov A. E. *Vysshaia shkola Rossii kontsa XIX — nachala XX v.* Moscow, [s. n.], 1991, 392 p. (In Russian)
- Ivanov A. E. *Evreiskoe studenchestvo v vyssheishkole Rossii nachala XX veka. Kakim ono bylo? Opyt sotsiokul'turnogo portretirovaniia*. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2007, 436 p. (In Russian)
- Natans B. *Za chertoi: Evrei vstrechaiutsia s pozdneimperskoi Rossiei*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, 461 p. (In Russian)
- Rudneva Ia. “Ia, ka klitso iudeiskogo veroispovedaniia, v universitet ne popala” (O evreiskikh devushkakh — vol'noslushatel'nitsakh Kazanskogo universiteta nachala XX v.). *Ekho vekov*, 2011, no. 1–2, pp. 190–199. (In Russian)
- Shepherd N. *A Price Below Rubies: Jewish Women as Rebels and Radicals*. Cambridge, Harvard University Press, 1994, 352 p.
- Shtampfer Sh. Gendernaia differentsiatsiia i zhenskoe evreiskoe obrazovanie v Vostochnoi Evrope XIX veka. *Sem'ia, shkolairavviny u evreev Vostochnoi Evropy*. Jerusalem, Gesharim; Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2014, pp. 147–181. (In Russian)
- Sinova I. V. *Zhizn' po “zheltomu” biletu*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2021, 208 p. (In Russian)
- Svetozarova N. Muzykoved i fol'klorist S. D. Magid (1892–1954). *Iz istorii evreiskoi muzyki v Rossii*, issue 2. St. Petersburg, [s. n.], 2006, pp. 309–334. (In Russian)
- Vakhromeeva O. B. *Bestuzhevka v tsifrakh: k 130-letnemu iubileiu Sankt-Peterburgskikh Vysshikh zhenskikh-kursov (1878–1918 gg.)*. St. Petersburg, Akademiia Publ., 2008, 401 p. (In Russian)
- Vakhromeeva O. B. Bestuzhevki-evreiki: sotsiokul'turnyi oblik. *Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: istoriia, sotsiologiia, kul'tura*. St. Petersburg, [s. n.], 2014, pp. 306–310. (In Russian)
- Vakhromeeva O. B. *Dukhovnoe prostranstvo Universiteta: Vyssh. zhen. (Bestuzhev.) kursy 1878–1918 gg.: issled. imaterialy*. St. Petersburg, Diada-SPb Publ., 2003, 252 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 28 августа 2023 г.

Рекомендована к печати 12 октября 2024 г.

Received: August 28, 2023

Accepted: October 12, 2024